

У Гете есть очень дорогая для меня мысль: «Как только мы начинаем по-настоящему чего-то желать, путями воистину неисповедимыми, мы начинаем притягивать в свою жизнь людей, события и обстоятельства, необходимые нам для осуществления нашей страстной мечты». Эта мысль Гете как-то перекликается с уверенностью Артура Шопенгауэра в том, что «Правильно уметь хотеть – это уже иметь задуманное».

Это тем более важно, учитывая современные реалии – как духовные, так и социальные. «Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры».

Это сказал Александр Блок и сказав, словно предвосхитил наши надежды на обретение понимания той объединительной роли, которая во всей культуре гуманитарного знания принадлежит именно аксиологии.

Список литературы

1. *Шестов Лев*. Лекции по истории греческой философии. – М.: Русский путь; Париж: YMCA PRESS, 2001. – 198 с.
2. *Каган С. М.* Философская теория ценностей. – СПб: 1997.

УДК 17.03

КАТЕГОРИЯ «БЛАГО» В УТОПИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ: ОПЫТ (НЕ)ВОПЛОЩАЕМОСТИ

С.И. Бондарь, Т.А. Бондарь
Полтава, Украина

В последние десятилетия и в социальной философии, и в политике относительно перспектив развития общества, приближения его к «идеальному» состоянию наблюдаем очевидное изменение парадигмы: «количественный» критерий заменяется «качественным», аксиологическим. Условием достижения справедливости и «общего блага» становится не столько «искусство разделения», сколько искусство контекстуального уравнивания отдельных аспектов этих ценностей.

В этом контексте сущность утопии объяснить чаще всего пытаются тем, насколько эта утопия воплощаема, а соответственно, насколько реализуемо то «всеобщее благо», достижение которого есть её основной целью. И тут наблюдаем полярное расхождение во мнениях. Основные позиции: а) утопии (и утопическое благо) нереализуемы; б) утопии реализуемы, нужно только найти спасительную истину, которая приведёт к построению идеального общества; в) утопии реализуемы лишь относительно – в плане позитивного влияния на развитие человечества гуманистических идеалов, в утопических проектах заложенных.

Рано или поздно, независимо даже от нашего на то желания, утопия становится очень реальной для нас явью, которую можем и не заметить, продолжая, как и прежде, считать несбыточной идеей, неосуществимой мечтой. Нас заин-

тересовал афоризм Ламартина: «Утопии – часто не что иное, как преждевременные истины». Выходит, что и утопия имеет своё времяисчисление.

Здесь мы намерены показать, что утопическое время тесно связано с «чистым» внеисторическим настоящим, которое непосредственно влияет на интерпретацию этого бытия, т.е. нашей с вами действительности, и соответственно, на воплощаемость / невоплощаемость утопического блага.

Но сначала давайте уточним, что в нашем понимании означает само настоящее.

Известный английский астрофизик С. Хокинг в своей книге «Краткая история времени» размышляет о том, что для человека всегда существует только настоящее. Э. Фромм существование бытия определил как «только здесь и сейчас». Блаженный Августин признавал три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Время, отмеряющее духовную или внутреннюю жизнь «внутреннего» человека, есть время настоящее, в котором существует прошлое. Оно «реально существует в вещах, делах, отношениях, которые имели место в прошлом и которые воздействовали и продолжают воздействовать на настоящее» [3, с. 107]. К примеру, чаша с кровью Христовой, которая «за всех проливается для прощения грехов» [Мф. 26: 27 – 28], одновременно и факт прошлого, и реальность настоящего. Через неё прошлое входит в настоящее, существует в нём и формирует его, укореняя внутренние бытие «внутреннего» человека во Христе.

Таким образом, настоящее функционирует как синтез факта прошлого с идеей будущего. То есть «впитывая» в себя предшествующие интерпретации действительности и опираясь на них, настоящее интерпретирует возможность будущего как такового.

Это уже чистой воды утопия, рассуждая о которой Э. Баталов подчёркивает, что она есть «воплощение определённого типа сознания, т.е. типа видения человеком окружающего мира» [2, с. 14]. Иными словами, какой бы ни была идеальной действительность, видение нами этой действительности никогда не будет находиться в соответствии с ней. Ибо «это несоответствие, как убеждён К. Мангейм, проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом бытии» [2, с. 14].

В любом виде бытия течёт соответственно только ему присущее время, которое характеризует не столько сам этот вид, сколько состояние его движения. В данном случае следует говорить об утопическом времени, протекающем по-другому, так как существует в ином виде бытия, которое движется относительно этого.

Казалось бы, временная несоответственность выступает основной причиной нереализуемости утопического блага. Ориентируясь на коренное и *необратимое* преобразование действительности, все утопические проекты (как и эсхатологические учения о царстве благодати) предусматривают качественное изменение человечества, «прыжок» – *преображение*. Это преобразование невозможно в обычном времяизмерении, поскольку ни возврат назад, ни дальнейшая эволюция после него немислимы. Утопическое «царство свободы» словно «зависает» во времени: оно видится последней совершенной и *окончательной* ступенью развития человечества. Таким образом, достижение абсолютного идеального состояния и абсолютного общего блага представляется осуществимым лишь за пределами конечных явлений. Это обстоятельство ставит перед философией серьёзную проблему, отмеченную ещё П.И. Новгородцевым, – она «не может утратить мысли о безусловном идеале как о необходимой перспективе для сво-

их построений, но и не может заполнить этот идеал конкретным содержанием, изобразить переход к нему из мира конечных и условных явлений» [3, с. 60].

Но, с другой стороны, утопическое время – это время, которое не определяется ни опорой на прошлое, ни устремлением в будущее, а связано только с «чистым» внеисторическим настоящим. Но это не означает, что прошлого и будущего как таковых нет. Ибо их включает в себя аристотелевское «теперь». Оно является и отрицанием предшествующего и последующего, и утверждением одновременно. Можно сказать, что внеисторическое настоящее возникло в результате искажения исторического временного контекста, который мы воспринимаем в качестве единственно возможной для нас действительности. Это искажение произошло за пределами нашего физического восприятия. Поэтому вторжение в сознание (отождествлённое с «этим бытием») реально не содержащихся в нем факторов разрушает его эстетическую устойчивость. Для того, чтобы в какой-то мере сохранить устойчивость, наше сознание «вписывает» «чистое» внеисторическое настоящее в контекст «этого бытия». Внеисторическое настоящее вроде бы как перестает быть чужеродным телом по форме, но продолжает им быть по содержанию. Оно «впитывает» в себя предшествующие интерпретации «этой» действительности и, в свою очередь, интерпретирует возможность «этого» будущего как такового.

Таким образом, утопия вопреки невозможности своей полной и окончательной реализации, тем не менее воплощается ежесекундно, так как интерпретация «этой» действительности происходит одновременно и в утопическом времени тоже, которое как раз и обеспечивает интерпретации непрерывность.

Список литературы

1. Ермаков С.А. Проблемы человеческого бытия в святоотеческой мысли // Философские науки. – 2004. – № 8.
2. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989.
3. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: «Пресса», 1991.

УДК 172

ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР СВОБОДЫ

Л.В. Баева
Астрахань, Россия

Философско-антропологические исследования неизбежно приводят к осмыслению незаданности, незапрограммированности, открытости природы человека. Он оказывается «шире» любых схем и конструкций, не укладываюсь в «прокрустово ложе» различных вариантов детерминизма (от провиденциального, биологического до экономического или социологического). Плюралистический дух современной антропологии, рожденный экзистенциализмом и усиленный постмодерном, позволил человеку осознать свою проектную, самоопределяющуюся сущность. Свобода в познании оказывается возможностью понимания того, что и сам Человек есть Свобода. В этом определении, предложенном еще Ф.М. Досто-